

А. Паркау

Огонь неугасимый

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
А11

А11 **А. Паркау**
Огонь неугасимый / А. Паркау – М.: Книга по Требованию, 2024. – 200 с.

ISBN 978-5-458-67976-3

ISBN 978-5-458-67976-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ОГОНЬ

НЕУГАСИМЫЙ

ОГОНЬ НЕУГАСИМЫЙ

Мы родились в созвѣздіях закатных,
В лучах тускнѣющей зари....
Зловѣщих туч чернѣли грозно пятна
И погасали алтари.

Нам с дѣтских лѣтъ отцы твердили басни
Об отреченьи и любви....
Но нѣтъ любви!... Наш бѣдный вѣкъ угаснет
В насильях, злобѣ и крови.

Подзут в изгнаньи годы роковые
И жизнь убожеством пестра.
Мы — искры прошлаго, мы тѣни неживыя
У догорѣвшаго костра.

Но, растеряв все то, что мы любили,
Отчизны искаженный лик
Не вычеркнем из старой, русской были.
Наш подвиг страшен и велик.

С толпой таких-же, как и мы гонимых,
Изгнанники за рубежом,
Огонь негаснущий, — огонь неугасимый, —
В сердцах мы свято бережем.

И новый день взойдет среди скитаній —
Разсѣяв ночи сизый дым....
Негаснущий огонь своих воспоминаній
Мы утренней зарѣ передадим.

ПОД СТОН ЗАГЛУШЕННОЙ ГИТАРЫ.

В туманной тиши остекленной террасы,
В прозрачных узорах растеній;
Сидим мы, — печальная, новая раса,
Послѣдняя горсть разореннаго класса,
Гирлянда развѣнчанных тѣней.

Заброшены всѣ из Россіи далекой
Рукою безжалостно мстящей,
Без крова и близких, с душой одинокой,
Песчинки былого в пустынь широкой,
Осколки кометы блестящей.

Интимно и нѣжно зеленая рама
Нас зыбкой стѣной окружает.
В дыму папирос, как в волнах фиміама,
Высокая, стройная, стильная дама
Цыганскій романс напѣвает.

Дрожат и рыдают звенящія ноты
Под стон заглушенной гитары,
И память считает дневныя заботы,
Распахнуты снова лазурные гроты,
Недавняго прошлаго чары.

Кофейник кипит на окнѣ за колонкой,
И в рюмках ликеры сверкают,
Лежит портсигар с филигранной коронкой,
Измученный мальчик красивый и тонкій
Тоскливо и страстно мечтает.

В глазах его звѣзды и синія дали,
Знакомыя дали столицы
Уносит Нева волны крови и стали;
И в злобѣ страстей, в ореолѣ печали
Мелькают любимыя лица.

Мы отжили жизнь, ея ласк не извѣдав,
В терновом вѣнцѣ обреченных,
Мы платим за удалъ жестокою дѣдов,
За дряблость отцов и за роскошь обѣдов,
За гордость гербов золоченых.

В анналах исторіи всѣ мы банкроты,
И в звеньях кровавых кошмара
Подводим забытые, сграшныя счеты
Дрожат и рѣдают звенящія ноты,
И тихо им вторит гитара.

НА СМЕРТЬ А. Ш.

Умер от ран довести не успѣли
Тщетно пытались помочь.
Умер на жесткой, дорожной постели,
В поѣздѣ, в душную ночь
Утром толпа на платформѣ шумѣла,
Встрѣтить собрались друзья,
Встрѣтили с болью недвижимое тѣло,
Мрачный итог бытія.
Боже мой, Боже! По этой дорогѣ,
Гдѣ он страдал и угас,
Гдѣ в безграничной, безмѣрной тревогѣ
Встал его жертвенный час,
В этих равнинах унылых и бѣдных,
В дымкѣ застывших болот,
Бѣшено мчал нас, веселых, побѣдных,
Поѣзд когда-то вперед.
Были мы молоды, сильны и смѣлы
В тѣ невозвратные дни,
Жизни взвивались лазурныя стрѣлы,
Станцій мелькали огни.
Были мы молоды, — время несется, —
Были тогда влюблены,
Все это было и вновь не вернется,
Как не повторятся сны.
Боже мой, Боже! Как ярко всплывает
Призрак былого в тѣни.
В душном вагонѣ больной умирает,
Станцій мелькают огни

ПЕТРОГРАД

Загорѣлось море, курятся болота,
Освѣтилась зелень Невских островов,
И качают волны в блестках позолоты
Змѣи — отраженья каменных мостов.

Вспыхнул в свѣтлой дымкѣ шниц адмиралтейства,
Грозный Исаакій купол свой зажег,
Старые преданья, старыя злодѣйства
Ночью покидают тайный свой чертог.

Старыя злодѣйства, старыя преданья
Длинной вереницей медленно ползут,
В выступах карнизов прячутся страданья,
Старыя страданья город стерегут.

Вмѣстѣ с ночью бродят, бродят и колдуют,
Плачут над Неввою, гдѣ поглубже мгла,
Про былыя тайны вкрадчиво толкуют,
Про былыя тайны, старыя дѣла.

Ждут, прильнув украдкой, новых преступленій,
Ждут, раскрыв объятя, дьявольских гостей
В царство синей жути, в царство смутных тѣней,
Новых преступленій, сумрачных вѣстей.

Гости прибывают длинной вереницей,
С каждым днем безумнѣй, с каждым днем грознѣй,
Саваны их смяты, скошены их лица,
Ширятся извивы призрачных тѣней.

Новыя злодѣйства, страшныя дѣянья
Длинной вереницей медленно ползут,
В выступах карнизов прячутся страданья,
Злоба и страданья город стерегут.

ПАМЯТИ КУДРЯЕВА.

Больше сія любви никто же имать
Да кто душу свою положит за други своя.

В моей смерти прошу никого не винить

С грозным вихрем войны и волненій
Развернулась в душѣ моей скорбная нить
Безконечно тяжелых сомнѣній.

Чуть зардѣлась свобод золотая заря,
Уж доносятся отзвуки грома,
И встает перед родиной, свергшей царя,
Новый призрак зловѣщій — разгрома! . . .

С этой пыткой в душѣ слишком тяжело мнѣ жить
В безпредѣльной тоскѣ ожиданья
Я хотѣл — бы, чтоб смерть моя стала служить
Громким зовом, будящим сознанье.

Я хотѣл — бы, чтоб кровь, пролитая в тиши,
Каждой каплей горячей кричала,
И заснувшую совѣсть народной души
К единенію в борьбѣ призывала.

Я хотѣл — бы, чтоб мой добровольный вѣнец
Незаслуженно принятой муки
Засіял в глубинѣ отрезвленных сердец
И сомкнул общей правдою руки.

И пускай я умру, и умру, чтобы жить
Чтоб, омывшись в крови искупленія,
Мой горячій призыв мог отчизнѣ служить
Ярким свѣточем дней обновленія.

В моей смерти прошу никого не винить
.

Бѣлый гроб в многолюдном соборѣ.

Собрались здѣсь друзья его память почитать,
Дань любви, восхищенью и горю.

Тонких свѣчек дрожат и мерцают лучи,
Плачет хор в темной аркѣ придѣла,
Блекнут розы в серебрянных складках парчи,
Безотвѣтно холодное тѣло.

Безотвѣтен послѣдній громаднѣйшій вопрос
Перед свѣжей открытой могилой.
Чистый свѣточ погас в морѣ пролитых слез,
Грубо смятый чудовищной силой.

Но звучит мощный клич и пробудит отвѣт
В чутких волнах потока людскаго,
Ибо нѣтъ крѣпче чар, выше подвига нѣтъ,
Как отдать свою жизнь за другого.

РАНЕНЫЙ ЛЕБЕДЬ

К заключенію мира с Германіей.

В скрижалях міровых дописана глава,
Разыгран эпилог четырехлѣтней драмы.
Воскресли на устах забытыя слова,
Звучит всесвѣтный гимн в аккордах торжества,
И в звонах мѣдных труб напѣв эпиталамы.

Побѣдный, дружный крик освобожденных стран
Привѣтствует зарю забрезжившаго мира
Смолкает рев стихій, уносится туман,
Замкнут и побѣжден военный ураган,
И пал кровавый гнет разбитаго кумира.

Слились всѣ голоса в могучій хор побѣд,
Исполнилась мечта борцов, достигших цѣли,
На радостном пиру ликует цѣлый свѣт,
И только одного в числѣ избранных нѣт,
И только одного спасти мы не съумѣли

Он вышел раньше всѣх в неравный, страшный бой,
Один сдержал врагов свирѣпое насилье
И, раненый, упал, как лебедь молодой,
Вожак пернатых стай, застигнутых грозой,
Влача в крови и мглѣ растерзанныя крылья.

Упавшій лебедь мой, несчастный мой народ,
Измученный боец, поверженный до срока,
Не видишь ты друзей окрѣпнувшій полет,
Не слышишь их призыв с лазоревых высот,
У самых берегов ты гибнешь одиноко.

Не для тебя зажглась желанная заря,
Не для тебя слились в одну семью народы,
Свѣтильник твой погас в предверьи алтаря,
И смотрит яркій день, блистая и горя,
На жертву горькую ушедшей непогоды.